Рождественского (№ 4) и полемические заметки поэта В. Жигунова «Чудное мгновенье?» об измельчаМИР

нии, своего рода девальвации любовной лирики в

Чем поверять гармонию?

Да мыслимо ли — поэзия охладела к любви? Как же она существует, есть ли она в этом страшном мире «автоматических навыков», машинальных действий в творчестве роботов, притворяющихся поэтами, в мире, как его представляет Виктор Жигунов в статье, названной едва ли не вызывающе: «Чудное мгновенье?». Ведь во все века любовь и поэзия единым, взаимопорождающим, синкретным целым духа, мысли и бытия. Многие слова Жигунова прямо или косвенно наводят на мысль о том, что поэтов-то, точнее - людей, пишущих стихи, много, а вот поэзия... Впрочем, так думает не один Жигунов; сердитое читательское письмо, опубликованное в «ЛГ» в начале года, тоже не единично. Конечно, как писал Твардовский, читатель -«тоже всякий». Всем читателям никогда поэты не могли угодить, да и не стоит это делать.

Но читательское недовольство — стимул для художника. зад она бранила тогдашнюю литмолодежь и за неуважение к старшим, и за вольное обращение с традицией, и просто за литературное озорство. Теперь же все наоборот. В последнем «Дне поэзии» Вадим Кожинов одним чохом зачисляет все новое поколение в разряд этаких тихонь, паймальчиков и девочек: «Teneрешние молодые поэты какие-

ДНАЖДЫ, в сельском

районе, в доме школь-

ного учителя, я оказал-

участником любопытного

разговора. Хозяин пламенно

доказывал, что в Шекспире нет

ничего специфически англий-

ского, что он - по типу твор-

чества, по отношению к вещам

ский», а потому и восточный,

и даже просто азербайджан-

Изьян в бесхитростных рас-

суждениях моего собеседника

обрисовался не сразу, но по-

степенно как бы заслонил то

здравое и точное, что было в

его высказываниях. Он ведь и в

самом деле воспринимал Шекс-

пира сугубо «по-восточному».

Властные, крутые мужчины,

беззащитные, семейственные

кенщины, интриганы, често-

любцы и мудрецы, коварство и

сцены домашнего обихода... Сэр Тоби напоминает любого

нашего сельского шутника и

забулдыгу, напыщенность и претенциозность Мальволио

заветинская Англия, где но-

вые горизонты и новые ло-

вушки, вставшие перед чело-

вечеством? В интерпретации

моего знакомого Шекспир те-

рял национальные, европей-

ские черты, но это почему-то

не прибавляло ему масштабно-

обуживало и упрощало.

сти и ∢общечеловечности», а

И я подумал (в который

разі), что национальное, если

оно понято в контексте боль-

шой истории, обогащает и ма-

териализует «общечеловече-

ское», а наднациональное или

вненациональное понимание

искусства обедняет его и схе-

матизирует. Между тем и мы.

профессиональные литераторы,

зачастую национальное начало

чего-то внешнего, какой-то обо-

лочки, за которой кроется «об-

щечеловеческое». Мы недоста-

точно внимательны к наци-

ональной концепции человека,

к национальной психологии ли-

тературных героев - в той

сложной диалектике, которая

сочетает национальное и об-

щечеловеческое. Второе невоз-

можно в чистом виде, помимо

первого и вне его, даже сей-

час, когда так велико и пло-

дотворно взаимовлияние на-

Интернационализм — это не

только суть нашего мировоз-

эрения, но и качество нашего

мироощущения. Мы, если мож-

но так выразиться, не только

стоим на позициях ленинского

единства народов, но живем

этим единством, У нас, совет-

ских людей, общие интересы,

мораль и теперь, к концу ве-

формы быта и культуры. И мы

не для красного словца гово-

рим, что в нашем единстве и

братстве переплелись и вза-

имосвязались присущие нам

всем национально-самобытные

черты и их проявление. В сво-

бодном союзе они расцвели и

выражаются по-особому ярко

ют не убывание национального

цвет. Однако в повседневной

или не замечаем их вовсе.

начала в искусстве, а его рас- ини.

взаимодействия.

именно в форме союза и

- в немалой мере общие

циональных культур.

в литературе видим в качестве

любовь, ревность и оскорбленное самолюбие, бурлескные

претенциозность Мальволио тоже очень знакома. Все так. Но где же Ренессанс, где ели-

писатель «общечеловече-

то... не очень молодые>. Этот же упрек слышится и от Вл. Гусева: «Молодежь должна делать глупости, проваливаться... У нас же молодежь аккуратна, добропорядочна и все-

Что ж, я полагаю, многое из творчества молодежи, прочитанное Кожиновым и Гусевым, могло привести их к таким грустным резюме. Более того, мог бы сам «подсыпать хворосту в огонь», добавить не одну строфу, подтверждающую их выводы. Но не хочу этого делать, как не могу согласиться с Жигуновым в его главных оценках нынешней лирики и сегодняшнего духовного мира личности. У меня принципиально иные убеждения относительно того и другого. Может быть, действительно стихи Кострова. Кузовлевой и Кузнецовой, процитированные Жигуновым, — не самое удачное у этих талантливых поэтов. Ст. ЗОЛОТЦЕВ Но дело в другом...

Две беды, два взаимосвязанных порока я часто вижу в нынешней критике поэзии. Первое - когда автор на основе нескольких или даже многих неудачных стихов или цитат из них готов создать целую концепцию оценок. Или еще хуже - подкреплять свое, заранее готовое представление о мире, литературе и личности в ней соответствующими, специально подобранными строками. С водой выплескивается ребенок... Именно в такую крайность впадает Жигунов, выстраивая свою схему бездуховного творчества в мире роботов. Но тут же огова-

рокий резонанс. Повесть хва-

лили, кое-кто бранил. Но ни-

кто, кажется, не обратил осо-

бого внимания на то, как на-

ционально «густа» эта повесть.

Ее главная проблема — власть

житейской рутины и попытки

борьбы с обывательшиной —

заслонила чисто азербайджан-

ский характер этой рутины, су-

губо национальную психоло-

ляет собой как будто распро-

страненный сейчас тип «эман-

сипированной» молодой жен-

щины. Она очень красива,

очень свободна; она пленница

этой «свободы», которая про-

является, главным образом, в

ее отношениях со ∢светом и

СЕЛА?

молвой». Бравируя своей неза-

висимостью, она в то же вре-

мя мучительно ищет подлинно-

сти и чистоты. Что тут, каза-

лось бы, национально само-

Я нарочно подбирал сейчас

наиболее общие и типовые ха-

рактеристики Тахмины. Но все

же одно слово оказалось близ-

ким к делу. Это слово «мучи-

тельно». В том, как поистине

мучительно, судорожно, пронзительно переживает Тахмина

свою ≪эмансипацию» и «мо-

дерность», видна восточная

женщина, азербайджанка. На-

ши женщины не научились быть

Тахминами без глубочайшего

внутреннего надрыва, без тай-

ной истерики, без искреннего

страдания. И в этом, как раз в

этом - что точно и верно най-

дено и раскрыто Анаром, --

искусство автора и его вер-

ность национальной правде об-

Это осталось, увы, незаме-

ченным. Тахмину вяло журили

как человека и критиковали

как образ: не совсем ясно бы-

ло, «положительная» она или

«отрицательная» (скорей, по-

ливо подметил, что в ней все

«чересчур». Это, кажется, са-

мое точное, что было сказано

о Тахмине. Но почему счерес-

чур», зачем такому рациональ-

ному и знающему меру писате-

лю, как Анар, строить образ на

национальная психология геро-

Что я хочу сказать, сожалея

что национальное эдесь не

Такое взаимовлияние и вза- «чересчур», осталось непонят-

имопроникновение предполага- ным, ибо в стороне оказалась

литературной практике мы под- об этом? Совсем не то, что пи-

час отделываемся от наци- сателю недодано похвал или

характеров общими фразами высоте. Важно было понять,

Повесть Анара «Круг» вы «местный колорит». Как совре-

звала в критике довольно ши- менные формы повседневной

ональной сущности коллизий и что критика оказалась не

Критик Р. Бахтамов справед-

бытного?

Приведу только один пример.

повести Тахмина яв-

гию персонажей.

неуклонно улучшается»...

современных стихах (№ 4).

Эта бездоказательность, узкий и просто бедный диапазон многих наших споров и дискуссий в периодике коренятся в том, что критика предпочитает отворачиваться от многих новых и непривычных явлений поэзии, новых имен, делать вид, что их нет, работая на материале творчества тех авторов, что давно известны, «апробированы». В лучшем случае — обзор в пресловутых обоймах. До глубокого ли здесь анализа, в котсром можно было бы проследить взаимосвязь меж реальным миром и реальной личностью в новых условиях времени?! Так,

порицая поэтов за их стерео-

точным и верным лучом прожектора, показывающим чиистинное состояние тателю дел в молодой поэзии. Пока же это только редкие вспышки фонариков, основная энеогия идет на освещение новой

Но. как ни свети, чего нет, того, не сыщешь. Так, я не могу увидеть «сотен мастеров», у которых, по мнению Жигунова, нет ни провалов, ни удач. Да и что это за поэт вообще, у которого все гладко! Ремесвенник, холодный эпигон значит, так его и надо величать. Иначе девальвация высокого слова «мастер» размоет самую изящно выстроенную критическую схему. Жиначинающих печататься есть немало людей, которые ярко. свежо, новыми и опирающимися на разветвленные традиции многообразными художественными средствами стремятся воплотить в стихе новизну духобного мира современника, отразить сегодняшние проблемы личности — в этом я убеж-

Жигунов прав: формальное умение, скажем, сложной строфикой, у многих молодых развито слабо. Но вот имя, начинающее обретать весомую известность, - Валентин Устинов, северянин, автор нескольких книг, вышедших в Москве и Петрозаводске. Особо запали мне в память его стихи, начинающиеся с извечно русского «Выбегала на крыльцо», где наш народный хорей, сопряженный с рифмовкой рубаи, поет об ощущениях человека, трезво и умудренно оценивающего уходящую моло-

Потому что студит нас сожалений старых наст. Потому что и за нами следом шли — хотя бы раз! Но чтоб так — босой с крыльца... веют думы у лица, Все забыл и выжег. Тольно

Этой ночи - нет нонца!.. Нет, лучшими из новых по-

натяжки назвать книгами лири-

ки, вдохновенной, исполненной

мысли, продиктованной опытом.

рожденной любовью. Не прибе-

гая к цитатам, я назову три та-

этов нашего десятилетия дви-

жет именно желание показать,

как в беспокойном ритме и

суматохе времени живет в че-

ловеке любовь, как может она

восторжествовать или заглох-

Но основа образности, мета-

фора у многих сегодня стала

софской форме выражения.

Дело здесь не только в «эко-

логической проблеме», а в же-

лании передать мысль через

фактуру своей судьбы. Мо-

Роберт Винонен не видеть. не

представлять себе мирозда-

ние, чувства и отношения лю-

дей прежде всего через об-

разы, знакомые ему от рожде

ния, увиденные на берегах

Онеги и Ладоги, через карти-

ны северного неба, озер, спле-

тения сосновых корней над

гранитом? Его герой видит

суть своей судьбы — «золотую рыбку» — в неводе вет-

вей, в выси: «И сеть, которой

далеко еще до дла ... бины, уже врезается в лицо-

здается непривычный ракурс видения; образ глубины в

жизни поэт передает органич-

ным для него средством, от-

сюда — убедительность обра-

за. То есть найдено именно

Конечно, век сложен, и труд-

но, все труднее говорить о нем стихами. И все же иногда мне

кажется: не абсолютизируем ли

мы эту сложность? Всюду - в

статьях на моральные темы, в

кладах слышится: «НТР, НТР,

HTP...». Мой оплонент, на-

пример, все нынешние за-

гвоздки духовной жизни так

или иначе связывает с научно-

техническим ростом. (Однако,

вий и формульной поэзии, он

почему-то ссылается на Хлес-

такова, ездившего, как извест-

но, в тарантасе, а не на лайне-

рах.) И любому читателю клас-

сики, повествующей о вторже-

нии денег в семейные и лю-

бовные отношения людей про-

шлого, знающему о том, какую

роль играл грубо материальный

элемент в личной жизни людей

«золотого века» литературы,

наивными должны казаться ут-

верждения, что любовь стала

сегодня практичным дитятей

рационалистичного века. «Бо-

гатый, да постылый» -- может

ли эту строку обратить к сво-

ей судьбе наша «маскулинизи-

Да и действительно ли поэ-

Сначала я забуду звуки голоса,

Ев привычку теребить кольцо, теребить кольцо, опотом уже глаза, улыбну, полосы, походку — всю ее в конце концов.

ты отвернулись от любви? Осо-

бення - мололые поэты? Вот

один из них, Юрий Поляков:

рованная» современница?

критике, в беллетристике, в

свое слово.

тяготеть к натурфило-

карельский уроженец

типность, за мнимое пристрастие к формулам, исследователь сам впадает в стереотип, подменяя мысль механической привязкой цитат к заданной схеме. Иначе и быть не может, если «пастись на вытоптанном лугу», не обращая внимания на зеленые, трудно пробивающиеся, но сильные ростки. Гармонию, конечно, поверить, но -- алгеброй, высшей математикой мысли, а отнюдь не четырьмя действиями

жизни и личных взаимоотноше-

ний отразились на женщине

восточных республик страны?

Какой она предстает не на ра-

бочем месте, а дома, с близ-

кими, оставаясь наедине с со-

бой? И какова здесь обратная

связь? Это проблема, в основе

которой лежат социально зна-

чимые явления. Чтобы понять

конфликт и решить проблему.

нужно проявить должное вни-

мание к своеобразию наци-

Кажется, русским писателям

в этом смысле повезло боль-

ше. Много написано верного о

национальной природе характе-

ров, скажем, у Василия Белова или Федора Абрамова. И все

NOA ENAM Y ECK M F

Пряслины, разговор ведется

подчас в излишне обобщенной

форме. Говорится о душевной

чистоте и долготерпении, о му-

держке и т. п. Все это так. Все

это истинно русские - народ-

данной области, естественно,

пишуший эти строки чувству-

ет себя менее уверенно, чем в

разговоре о героине Анара.

венской» прозы, повествую-

минимум одна национальная

особенность: их соприродность

суровым северным краям, где

они выросли и сформирова-

лись. Такие люди - невероят-

но крепкие и кроткие, совме-

стившие какой-то особо поэти-

ческий строй души с житей-

ской борьбой и нуждой, -

неотделимы от полугодовой

зимы и бледных росистых по-

лян, холодных рассветов и

чистых рек и озер. Все это, по-

видимому, много значит и в

каждом отдельном случае, так

как рождает неповторимый тип

человека - русского крестья

Иногда национально своеоб-

разное вызывает демагогиче-

ские наскоки. Так было с

повестью Максуда Ибрагимбе-

кова «И не было лучше брата».

Вся суть этой повести состо-

ит в том, что автор разоблача-

ет архаичность своего героя. И

даже карает его смертью! Вся

структура повести подчинена

сравнению старшего брата с

младшим; это притча о двух

братьях, старший из которых

отжил свое время, ставшее ис-

торией, а младший начал дру-

гое время. Некоторым крити-

кам этого показалось мало.

нравственного

Они желали не одного только

жественной скромности и

ные, крестьянские черты.

СОСЕДНЕГО

Иван Африканович или

о таких героях,

ональной психологии.

гонов во все века был легион. Но ведь эпигон — это и есть пишущий по формуле, чем же здесь век НТР?

Обретение голоса

Мастеров, повторяю, пока не вижу, глядя на молодых. Но вот в том, что как среди авторов одной-двух книг, так и среди только

честного и убежденного посвоему человека, а откровенно плакатной карикатуры на него. Поскольку же и в самом деле «не было лучше брата», по-

тор жалел его, М. Ибрагимбе-

кова упрекали в идеализации

той самой патриархальности,

которую он разоблачал.

Другие критики, напротив. повесть встретили приветливо. но допускали иную крайность: разительная национальная достоверность Джалил-муаллима опять-таки почти не была заме чена. Главное внимание привлекли живописность повести ее пластичность. Но весь ее национальный «код» — упрямая верность безлюбовному полная надменности «честная бедность», культ крохотного палисадника и субботней ритуальной бани, мистика возрастной и служебной иерархии - все эти не имеющие ничего общего с новой моралью «мусульманские» особенности характера и обихода старого азербайджанца (как и его гипертрофированные щедрость и мелочность, великодушие и внимание, когда писали о повести. Между тем именно здесь — причина трагедии двух братьев, и без этого не было бы повести.

Приводя эти примеры, мне хотелось показать, что пробле матика национального своеобразия остается у нас во многом неразработанной, оно порой воспринимается как чтото дополнительное и внешнее по отношению к образам, сюжету, идейно-художественной сути произведения.

Национальная по форме литература наша имеет одно солержание - социалистическое. и оно неисчерпаемо многоо5разно. Создание произведений жизненно полнокровных, социально насыщенных, правдивых и точных невозможно без воплощения национально-характерного — в том диалектическом единстве с интернациональным, в каком проявляется оно в нашей социалистической действительности.

Лишь силуэт, почти что Останется, реальностью

Евгений ДОЛМАТОВСКИП

тесним, -Но ни одна на белом свете Не сможет никогда сравниться с ним.

Лирическая миниатюра, казалось бы, и только. Но суть в том, что это менолог юноши еще «перед прощанием» так и называются стихи. Трагедийность разрыва - а это именно трагедийность, как ни суди. - усугубляется тем. что герой в деталях представляет забвение любви... Вот это, я уверен, уже віїдение нынешнего. «акселератного» юношества, чей взгляд на мир порой не то что рационалистичен---но конкретен до предела. Хотел того автор или нет, но он «ухватил» эту особенность.

Есть здесь, конечно, юноше-ский максимализм, но ведь он и должен быты! Позже он прииные черты... Владимир Шленский, долго «ходивший в молодых», старше Полякова на 10 лет. но насколько иная эмоциональная тональность отличает его стихи на эту же тему! В его новой книге «Планета, улица, любовь...» есть много строк о прямом. «устном» непонимании меж взрослыми людьми, между мужчиной и женщиной, когда «слова пугающе пусты, просты, истерты, как монеты». И все же в его лирике магнитным стержнем является именно отрицание того, что В. Жигунов делает знамением времени, -- стандартизации, роботизации человека: пускай подчас машины пробуют, пишут строки - истина глуха: ведь запрограммированным роботам неподвластно таинство стиха»

Не прибегая

к цитатам

Нет, поэзия молодых не охладела к проникновению в сложность чувств человека, к любви. И Виктор Жигунов. сам пишущий стихи, не может не знать причину. по которой эта тема редко гостит в публикациях и первых книгах нынешней смены. Ведь именно стихи о любви чаще всего настораживают как издательских, так и журнальных редакторов. Мне, участнику многих поэтических вечеров. часто приходится грустно удивляться разнице между тем, что мои ровесники и младшие друзья читают с эстрады, и тем. что появляется в их печатных дебютах. Разница сия включает в себя прежде всего стихи

о любви... И все же пирика прокладывает себе дорогу. У молодых поэтов 70-х годов выходят кни-

ких явления. Это «Причастность» Владимира Топорова. «Земная радость» Юрия Никонычева и «Два года» Анатолия Кобенкова. Все они вышли в прошлом году, первые две -- в Москве, третья - в Иркутске. Три совершенно разных голоса, темперамента, характера. Объединяет их не только тридцатилетний возраст, но прежде всего умудренная мужская нежность к миру, к его простым и жизненно необходимым чертам... Мне вообще кажется, что в молодой лирике 70-х с новой силой зазвучал нравственный онномимесат мысотом витом был присущ русской поэзии. чувство самоотречения, ощущение пусть неясной, но все же острой вины перед всем, что дорого.-перед природой, перед «братьями меньшими», перед детьми, перед женщиной, доля и в наши дни все-таки остается женской. Эгой нотой проникнуты три названные

Явственно и своеобразно выражено она в первой книге крымчанина Александра Тка-Мне Ткаченко ближе ченко. там, где он, работая в более ясной манере письма, сохраняя богатый колерит и сочную звукопись южнорусской речи, приходит к метафоре с его собственным «болевым» ощущением: «В осенние капли добавлена меда тягучесть, в качание веток крен фонарей. В участье добавлена женская участь, мужская — в жестокость и в бремя детей». Сострадание. идущее из этических убеждений поэта, направлено отнюдь не к лирическому «я». Не оно ли помогло Ткаченко создать строки, точно обрисовывающие «Нам тридцать лет, и мы слегка седые, но все-таки еще какие молодые!»

Готов признать: отдельные замечания В. Жигунова справедливы. Но в целом он не прав. В молодой поэзии идет напряженный поиск своих слов о своем времени. Идет поиск слов, выражающих самые заветные, самые личные чувства, которые переживает наш современник. Идет упорная работа затем, чтобы, говоря строкой Юрия Полякова, «там, где слезы раньше подступали, слова вдруг научились просту-

А БЫЛЬ?

«Сказка и быль» -- так называется первая глава научно-популярной книги Ю. Ф. Авдеева «Космос, баллистика, человек», недавно выпущенной издательством «Советская Россия». В этой вступительной главе всего 3 (три) странички, на которых автор рассказывает о всей мировой истории проникновения человена в космическое простран-

Огрехи начинаются еще в средних ваках, когда речь заходит о Сирано де Бержераке. «Эдмон Ростан в героической комедии «Сирано де Бержерак» (1898 г.), пишет Ю. Ф. Авдеев, -- наделил своего героя исключительным чутьем научного предвидения». Но при чем тут Ростан? Сирано сам себя наделил» этим чутьем, и не в 1898-м, а в середине XVII века, когда в двух своих сочинениях описал воображаемые путешествия на Луну и на Солнце. Среди многих пред-ложенных им способов достижения Луны есть и ракаты. Возникает подозрение; что автор узнал о работах де Бержерака только из этой самой героической комедии.

Перечисляя пионеров ракетной техники, автор не упоминает, например, таких замечательных энтузиастов, Р. Эно-Пельтри или М. Валье, но включает в свой короткий список Вилли Лея, не столько пионера, сколько популяризатора космонавтики. Юрий Кондратюк жил и работал некоторое время в Сибири, но он родился и вырос в Полтаве, празильно ли называть его «сибирским мекаником»? С. П. Королев умер 59 лет от роду, но автор добавил ему год жизни.

Не много ли небрежностей и неточностей для первых трех страниц? И как убедить себя в том, что стоит тратить премя на чтение всей книги?

Я. ГОЛОВАНОВ

ЗАМЕЧАНИЯ ПРИМЕЧАНИЯМ

турные памятники» купить нелегко. Заслуженный успех и всевозрастающая популярность серии определяются не только художественными текстами, но во многом и ценными, высокой культурой комментариями, которые помогают читателю глубже понять произведение, написанное в другую эпоху. Тем досаднее, что в примечаниях Ю. Акутина к книге А. Вельтмана «Стран ник» содержится целый ряд

неточных, а иногда и просто нелепых сведений. Библейский миф о сыне первого человека Адама, добром и кротком Авеле убитом своим братом Каином, знаком, пожалуй, каждому. «Авель — второй сын Авраа-ма» (стр. 316), — утверждает Ю. Акутин наперекор священному писанию. И это не единственная «поправка» к Библии: пророк Даниил почему-то именуется царем (стр. 312).

Не лучше обстоит дело и с мифологией языческой. Лель причисляется к «древне-славянским божествам» (стр. 306). Ю. Акутин тем саоплетвин тервискен мідм гипотезу, давно отвергну-

А. Вельтман. «Странник». Серия «Литературые памятни-ни». Издательство «Наука». М. 1977.

тую учеными. Польские историографы XVI века, исходя из убеждения, что у древних славян были боги. соответствующие классическим, сочинили славянского языческого бога Леля. Правда, во времена А. Вельтмана эта гипотеза еще не подвергалась сомнению, но в настоящее время ни один исследователь не причисляет Леля к сонму языческих богов. Лель - это создание

ученых и поэтов. Если верить Ю. Акутину, то подвиги Геракла были менее значительны, чем казалось грекам. «Имеется в виду древнегреческий миф о том, как Геракл обошел всю Европу и Ливию в Африке...» написано в комментариях (стр. 303). А между тем Геракл обошел не Ливию в Африке, а Африку, которую древние называли Ливией. Название «Африка» было им

неизвестно. Справедливости ради скажем и о примечаниях, против которых трудно что-нибудь возразить. Ну, например, «Державин Гаврила Романович (1743—1816) — рус-ский поэт» (стр. 315) или «Треугольник — чертежный инструмент» (стр. 302).

M. KOTAH. донтор исторических наук ЛЕНИНГРАД

Однако, на мой взгляд, в героях русской, особенно «дерещей о первых послевоенных годах, критикой все-таки недостаточно подчеркивается как

50 net

Секретариат правления Союза писателей СССР направил Майе Александровне Румянцевой приветствие, в нотором

говорится:
«Сердечно поздравляем Вас, известную советскую поэтессу, со славным юбилеем. Ваше имя широко известно нашему читателю. Первые книги стижов «Грузчица», «Девичъя фа-

милия» пользуются заслужен-ным успехом среди читателей. Широную известность получи-ли Ваши сборнини стихов «До-верие», «Война», «Характеры», «Дорога, встреча, любовь» и вругие.

ждория, встреча, лючовые и другие.
Миого сил и творческой экергии отдаете Вы общественной работе, являясь руководителем Тамбовской писательской организации, членом правления Союза писателей СССР.

СССР.
Ваша литературная и общественная работа была отмечена правительственными наградами — орденами «Знак Почета», Дружбы народов».

Сенретариат правления Союза писателей СССР, совет по белорусской литературе и со-

банкротства

вет по критике и литературоведению направили Дмитрию Яковлевичу Бугаеву приветствие, в котором говорится: «Интерес к современности, к ее актуальным проблемам — свойство Вашего таланта. Ваши монографии и статьи, как правило, остры, полемичны, отличаются тонким пониманием литературы. манием литературы.

манием литературы.
Заслуженную известность принесли Вам критические исследования, посвященные творчеству выдающихся белорусских писателей—М. Лынькова, М. Танка, И. Мележа, И. Шамякина, В. Бынова. Вермость марксистеколенияской мость марксистско-ленинской методологии, аргументированность научных выводов, .ринципиальность позиции — эти качества Ваших статей и книг снискали Вам уважение и авторитет среди читателей. Доцент кафедры белорусской литературы БГУ имени В. И. Ленима, Вы отдеете много сил и эмергии воспитанию вашего нашего на ность марксистско-ленинског

советсного студенчества. Вы принимаете активное участие в жизни писательской организации республики нак организации республики нак член правления Союза писате-лей БССР и заместитель пред-седателя секции критики и ли-тературоведения».

энергии воспитанию

«Литератирная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям

нашего

ПОЗДРАВЛЯЕМ

ЮБИЛЯРОВ

М. А. РУМЯНЦЕВОЯ -

